

A close-up portrait of a woman from the chest up. She is wearing a large, wide-brimmed white hat that covers her eyes. Her face is partially visible, showing her nose and lips. She is wearing a white, high-collared dress with vertical pleats and lace detailing. She is holding a large bouquet of purple and white chrysanthemums in front of her chest. The background is a solid dark red color.

*Трофей
для герцога*

ЕЛЕНА
ЗВЕЗДНАЯ

12+

Елена Звёздная

Трофей для Герцога

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40145421

SelfPub; 2019

Аннотация

Не верите в любовь? И напрасно! Стоит съездить в городок северной Ландрии, и познакомиться с местными преданиями... Вот только Элизабет выросла в Уэстенсе, и с легендами знакома, но ее живой и пытливый ум не видит под ними реальной основы. Поэтому она предпочла заключить удобную помолвку с сыном партнера своего отца, и обстоятельно готовится к свадьбе... но посещение единственного разрешенного бала без жениха меняет все. Герцог Аверан начал свою игру, и не ясно, какова его цель — уничтожить или спасти Беттилиз...

От всех прочих городков северной Ландрии наш Уэстенс отличал один неоспоримо положительный факт – в черте города располагался военный гарнизон, а на его территории знаменитейшая военная академия королевства. Казалось бы, что в этом положительного? О, если вам сие неведомо значит вы не девица на выданье и уж точно не ее благообразная мамаша. Ибо, что может быть важнее в жизни девушки, чем удачный брак? В нашей провинции искренне полагали – ничего. Подозреваю, что с подобным утверждением согласились бы во всей Ландрии, как впрочем, и во всем мире, но именно здесь, у нас, удачное замужество обросло флером священнодействия, окуталось блеском надежды, которую дарует лишь уверенность в неодолимой силе любви и в целом стало чем-то вроде городских легенд.

И тому способствовало немало причин.

К примеру – не верите в любовь с первого взгляда? Напрасно. Совершенно напрасно, вот помнится в 1769 году юный ненаследный принц Ландрии, проезжая по городу, увидел прелестную цветочницу шестнадцати лет, чей папенька чаще возлежал на мостовой в состоянии блаженного опьянения, нежели заботился о благе семьи, а матушка была вынуждена самолично копаться в земле на заднем дворе покосившегося дома, взращивая цветы, продаваемые в последствие единственной дочерью. И что вы думаете – полюбил с первого взгляда. Городские кумушки поговаривают, что поразило его будто молнией и женился, как есть женился уже

на следующий день, а после увез цветочницу в свой замок, где холил и лелеял до самой смерти и умерли они в один день.

Или может, думаете, что для любви существуют преграды? Это вы зря. Вот помнится в году 1784 герцог Меруанский, запертый суровым руководителем академии во избежание позорного союза отпрыска благородного семейства с пастушкой, преодолел все запоры и преграды. И что бы вы думали – сбежал. Как есть сбежал. Нашел свою пастушку, женился на ней в тот же день, увез в свой замок, а после холил и лелеял до самой смерти и умерли они в один день.

А может статься верите, что любви покорны лишь юные да горячие сердцем? В году так 1796 преклонных уж лет новый руководитель военной академии прибыл в наш городок, узрел он пышных форм вдову Лагерфельд и... женился на ней в тот же день, а после увез в свой замок, где холил и лелеял до самой смерти и умерли они в один день.

Говоря откровенно, я была искренне рада за тех, кому удалось познать столь сильную любовь, что соединила пары разделенные статусом, состоянием, воспитанием и даже образованием. Но, боже мой, мне поистине уже поднадоело выслушивать одни и те же сказочные истории любви на каждом заседании швейно-приходского кружка!

Впрочем, сегодня, прозвучало нечто новенькое.

– А еще, – старательно вышивая «Боже храни короля», сказала миссис Уивер, – ходят слухи, что в нашу академию

приезжает неженатый новый...

– Преподаватель? – живо поинтересовалась мисс Томпсон, маленькая пышная как сдобная булочка, румяная, с носиком покрытым веснушками, девушка на выданье.

И все дамы тут же оживились, слегка утомленные как нуднейшим вышиванием, так и городскими сплетнями, в которых за два истекших часа обсуждения, не вскрылось ни одной истории трагической или же роковой любви, от чего и были пересказаны три вышеизложенные. Скучно живем, да. А новый неженатый преподаватель в академии это уже событие. Согласитесь – сильный, тренированный, свободный благородный мужчина с весьма существенным достатком, а мало в военной академии учителям не платили, это всегда событие.

Но миссис Уивер развеяла наши надежды, словами:

– Нет, не преподаватель.

Дамы пригорюнились.

– Новый... – продолжила было миссис Уивер.

После как профессиональный лицедей допустила драматическую паузу, оглядела нас водянисто-голубыми глазами, столь светлыми, что отдаленно напоминали рыбы, и заговорщицким шепотом выдала:

– Неженатый новый герцог!

– Оооо... – разом выдали все присутствующие, словно у нас когда-то вообще старые герцоги водились.

Будем откровенны – ранее в Уэстенс вообще герцоги не

заглядывали, так что пассаж про «новый» был явно излишен, но кого это волнует? Точно не дам. А на воскресных заседаниях в храме собиралось всегда не менее пятидесяти леди, представлявших собой цвет нашего города, и неизменно берущих с собой всех имеющихся дочерей брачного возраста в надежде, что пребывая в столь почтенном и умудренном опытом обществе, и юные прелестницы обретут столь необходимые молодежи опыт и ум.

– Целый герцог, – мечтательно закатив глазки, прошептала девица Брунир, чья цветущая пора основательно катилась к горизонту.

– Да-да, – миссис Уивер наслаждалась всеобщим вниманием к своей персоне. – Супруга лорда Ангеса шепнула сестре нашего пастыря, а та, вы знаете, обо всем мне рассказывает!

Сказано было с некоторой гордостью, да что там с некоторой – с основательной. Присутствующие закивали, готовые восторженно внимать и далее любому слову миссис Уивер.

– Так вот в академии случилось что-то... хм... что-то недопустимое...

О, а это уже было интересно.

– И герцог Аверан прибыл расследовать случившееся. И он неженат! И как гость лорда Ангеса несомненно будет присутствовать на балу в честь цветения персиков!

Я едва заметно скривилась, старательно вышивая золотого ангела на белоснежной ленте. К слову практически все мы

сегодня готовили ленты и плакаты для декорирования этого самого Персикового бала. Именно этого события каждый житель Уэстенса ждал с нетерпением весь год. Дети потому что супруга ректора военной академии, а бал проводила именно она, обязательно организовывала в субботнее утро на кануне бала раздачу сладостей, печь которые мы все будем в четверг, и игрушек, которые все почтенные дамы города шили в течение года. Мужчины любили бал за то, что ректор Агнес выкатывал несколько бочек вина, привезенного из самой столицы, а для наиболее почтенных жителей городка привозилось и вовсе виски. Женщины просто любили праздники, а вот девушки... девушки, затаив дыхание, готовили лучшие наряды, ведь что на ту часть бала, где были собственно танцы, допускались выпускники военной академии.

К слову именно после Персикового бала чаще всего следовали головокружительные романы, стремительные помолвки и как следствие мечта всех девушек – выгодные браки. Не скрою, я лет с тринадцати мечтала о том, что однажды на балу, танцуя среди цветущих персиков я повстречаю Его! Он, будет красив, с военной выправкой, в мундире выпускника и несомненно благороден. Мы полюбим друг друга с первого взгляда, и он увезет меня в свой замок и будет холить, и лелеять до самой смерти, и умрем мы в один день.

Но не сложилось.

Увы, будучи от природы наделена наблюдательностью, я еще в четырнадцать, времени, когда на бал допущена бы-

ла, а на танцы нет, узрела как все это выглядит со стороны. И обратила внимание не на широкие плечи и военную выправку выпускников военной академии, а на насмешливо искривленные губы, презрительные взгляды, а так же реплики и смешки, коими лорды обменивались друг с другом. А после, пользуясь тем, что на ребенка обращали внимания не больше, чем на предметы мебелировки, мне удалось услышать некоторые их разговоры и я поняла очевидное – благородные господа в нашем городке попросту развлекались. Им доставляло удовольствие вскружить голову провинциальным девицам, урвать поцелуй, а порой и кое-что более существенное, а после, получив диплом и назначения, упорхнуть в столицу, где их ждали утонченные и изысканные столичные красавицы, о которых лорды изволили грезить. И их совершенно не интересовала дальнейшая судьба провинциальных простушек, которым оставались слезы, воспоминания, а порой и уничтоженная репутация.

Разочарование было сильнейшим. Просто убийственным. Для меня, девушки выросшей на сказках о любви, пребывающей в святой уверенности, что истинная любовь преодолеет все, любые социальные преграды, что для любви в целом нет статусов и рангов – столкновение с реальностью оказалось неимоверно болезненным.

Помнится по возвращению домой, я дала себе клятву никогда, воистину НИКОГДА не влюбляться в лордов и военных, и уж тем более в лордов избравших военную карьеру.

Это была клятва, которую я сделала своим жизненным кредо, и с тех пор кадеты военной академии, как впрочем, и офицеры, стали для меня лишь предметом насмешек, отвлеченного наблюдения и колких шуток. Не более.

От того в шестнадцать, на своем первом Персиковом балу, я с самой милой улыбкой отказывала в танце абсолютно всем студентам военной академии, искренне наслаждаясь незабываемыми выражениями удивления, недоумения и некоторой досады, появлявшимися на аристократических лицах, зато веселилась, смеялась и танцевала до упаду с молодыми людьми из родного Уэстенса.

Это был незабываемый праздник, на утро после которого гостиная батюшки была сплошь уставлена корзинками с цветами – благородные лорды не оценили настоящего подарка судьбы, то есть девицы, которая не бросалась им на шею, и решили изменить ситуацию, предприняв попытку завоевать меня путем долгих ухаживаний, раз уж не получилось с наскока. Видимо я как-то нарушила их картину мира.

Уже к вечеру того же дня под окнами нашего дома от чего-то начали проезжать молодые военные на лошадях, или же прогуливаться, ведя оных под уздцы. А я стала предметом обсуждения едва ли не в каждой гостиной города, и в то же время объектом восхищения со стороны всех городских юношей и молодых людей, коим, несомненно, было обидно ощущать себя людьми второго сорта в сравнении с военными.

И возможно разгорелось бы немало сражений за мое внимание и сердце, но все решил папенька, сговорившись со своим деловым партнером о том, что неплохо было бы породниться. Господин Томас был рад озвученному предложению, тем более что с его старшим сыном Густавом мы были дружны с детства. Тогда же, в мои шестнадцать, была заключена помолвка. Все сочли что мы прекрасная пара и великолепно смотримся вместе – изящная кареглазая с вьющимися каштановыми локонами я и высокий, массивный широкоплечий с волосами цвета спелой пшеницы и пронзительно синими глазами Густав и правда неплохо выглядели вместе. Мне лично нравилось, что он добрый, внимательный и веселый, мой жених ценил во мне тонкие пальчики, приметную талию и начитанность, так что в общем и целом мы были счастливы и планировали пожениться уже в этом году летом, мне исполнилось девятнадцать, ему двадцать три – самый возраст для брака.

Свадьба была назначена на лето, а пока я откровенно скучала – сейчас Густав и мой папенька находились в плавании, их возвращение ожидалось в первый месяц лета, и увы, мне как официально находящейся в статусе невесты не полагалось даже гулять в городском парке без своего нареченного. Так что да, мне было скучно, причем скучно настолько, что я с маменькой начала посещать швейное общество при нашем городском храме. Не спорю, что проводить время с книгой было куда занимательнее, но мне все же хотелось хоть ку-

да-то выходить из дому. Сестры мои Нарин и Тунния жили куда как интереснее – с утра конные прогулки по городскому парку, вечером многочисленные приемы, балы, званые ужины и прочее. Я же была вынуждена сидеть дома до самой свадьбы. Исключение составлял лишь Персиковый бал. И к означенному событию у меня был готов бело-абрикосовый наряд, маменька считала, что этот цвет идеально сочетается с цветом моих волос, а весь мой агенд был заполнен еще месяц назад друзьями Густава, которые презрев светское требование «Не более трех танцев может быть расписано до бала» выпросили у меня танцевальную книжку, и внесли все свои имена. Друзей у Густава имелось много, со всеми я была знакома, так что меня ожидало более чем замечательное развлечение. А теперь, когда стало известно, что в академию прибыл целый неженатый герцог, Персиковый бал станет еще веселее – все же наблюдение за тем как все незамужние дамы нашего городка начнут охоту, это неописуемо.

– Говорят, он красив как бог! – миссис Уивер закатила глаза, прижав к груди вышивание.

Сей жест должен был выражать ее безмерное восхищение, я же лишь едва заметно усмехнулась – по мне так мужскую красоту весьма переоценивают. А уж красивый герцог и во все существовать в принципе не может, в этом я была более чем уверена.

Тем досаднее оказалось ошибиться.

Персиковый бал как раз перешел в свою самую традици-

онную стадию, то есть конкретно бал. Запели трубы, зазвенели струнные, вступили духовые, держащиеся темной стайей ученики военной академии в черных мундирах, слаженно шагнули к дамам, группировавшимся перепуганными стайками, начались взаимные поклоны и обмен полагающимися фразами, когда вдруг весь этот фарс на миг замер. Я, как и все присутствующие начала вытягивать шею, в стремлении разглядеть появившегося в дверях мужчину, к которому столь поспешно бросился хозяин вечера лорд Ангес, что всем сразу стало ясно – это и есть тот самый неженатый герцог.

И едва не ахнула, сдержавшись исключительно из-за того, что рядом слаженно ахнули мои сестрички, вторя практически всем присутствующим здесь дамам. Вздохнув, я заставила себя опустить взгляд, перевела дух, и посмотрела на высокопоставленного лорда уже гораздо более критичным взглядом, впрочем, должна признать, даже это ничуть не испортило его образ.

Герцог оказался высок, строен, широкоплеч, по-военному подтянут, с короткой стрижкой темных, практически черных волос, гладко выбритым подбородком, аристократически-высокомерным лицом, и внимательными пронзительно синими глазами. И эти глаза внимательно оглядели всех присутствующих, вынуждая мужчин склонять головы в знак почтения, а дам смущенно-кокетливо потупить взор. Я была столь возмущена всеобщим выражением покорности его

светлости, что не опустила взгляд, даже заметив, что герцог Аверан смотрит на меня. Прямо в мои глаза, вероятно превосходно заметив, как сильно я возмущена.

Мы смотрели друг на друга несколько долгих секунд, после чего я весьма нагло, что непозволительно для юной леди, как, впрочем, и для любой леди, улыбнулась его светлости, демонстрируя что совершенно не собираюсь преклоняться перед его величием. Было бы перед кем.

От зрительной дуэли меня отвлек Винсент, весело сообщивший, что сейчас дама Сунес упадет в обморок. Она столь виртуозно проделывала это, что даже мы, видевшие этот фокус раз двадцать, не меньше, всегда гадали притворяется или же нет?

Но герцог даже гадать не стал.

Проследив за моим взглядом (он, в отличие от меня, явно желал продлить дуэль до полного моего поражения), заметил подобравшуюся к нему даму, и вместо того, чтобы повести себя как джентльмен и подхватить последнюю, мрачно сообщил:

– Лучшее средство от обморока – разрезать шнуровку на платье. Мне достать кинжал?

Мисс Сунес мгновенно передумала терять сознание, извлекла из сумочки веер и принялась старательно обмахиваться. Все предпочли сделать вид, что ничего не заметили, герцог от чего-то вновь посмотрел на меня, я же проигнорировала его взгляд, потому что сегодня я собиралась насла-

ждаться балом и только наслаждаться балом.

Повторно объявили танцы.

Полонез я протанцевала с Винсентом, он постоянно норовил наступить мне на ногу, я ловко уворачивалась, весело считая его промахи. Танец закончился на цифре двадцать четыре, после чего мы со смехом обсуждали, насколько плачевным было бы состояние моей ноги, достанься ей все двадцать четыре наступления. К обсуждению присоединились Губерт и Том, последний, опустившись на колени, принялся внимательно разглядывать мою туфельку и считать бусинки на оной. Не досчитал – Губерт увлек меня в следующий танец.

Гавот один из самых забавных танцев на балу – легкие па, грациозные повороты, прыжки и касания пальцами. Нет, для тех, у кого «трепещет сердце от каждого прикосновения» гавот оборачивался чередой неловкостей, иной раз падений, и лавиной смущения, но мы с Губертом, будучи знакомы с раннего детства, в силу того, что наши нянюшки были закадычными подругами, веселились от всего сердца, пародируя друг друга, стараясь подпрыгивать как можно выше, и смеясь уже в голос, от чего несколько раз мы едва не сбили других танцоров.

А вот с полькой произошел казус – танцевать я должна была с Томом, он подвел меня к строю девиц, сам же отправился вставать в строй мужчин, чтобы затем, как и полагается вступить в танец, но тут случилось странное – кадеты воен-

ной академии, а их в строю готовящихся танцевать было значительное большинство, самым наглым образом, сдвинули Тома так, что теперь моим партнером должен был стать высокий плечистый аристократ с темно-русыми волосами, собранными в щегольской хвост. Я изумленно выгнула бровь, будущий офицер нагло усмехнулся, видимо считая, что от его надменного самодовольства мое сердце дрогнет.

Заиграла музыка, совершая па и прыжки, девушки двинулись к строю кавалеров, и мне ничего не оставалось, как двинуться тоже, но затем, когда настала очередь девиц подходить и совершать реверанс перед партнером, я, пританцовывая под музыку как деревенская пастушка на гуляниях, с веселым «Прошу прощения!» обошла наглеца по дуге и остановилась напротив побледневшего и явно нервничающего Тома, со словами, которые не постеснялась произнести довольно громко:

– У него такой размер ноги, что танцевать с ним опасно для жизни, ты не находишь?

Грянул хохот. Да, учащиеся военной академии, даром, что пять лет этикет изучали, оказались все же крайне невоспитанными. Но смех вскоре утих, так как все мы увлекались мелодией.

Зато в следующем танце мне досталось – кадрили предполагает многоразовую смену партнеров, и к моему искреннему сожалению все они, кроме Олта, с которым я вышла танцевать, были военными. Мне пришлось раскланиваться

с тем самым русоволосым наглецом, который попытался навязать мне совместный танец, улыбаться всем тем, кому я отказывала в прошлом году, соприкасаться пальцами с теми, кто старательно пытался всучить мне записку с излиянием собственных чувств. Особенно настойчив был лорд Эруа, третий год добивающийся моего внимания исключительно из чувства природной упертости.

– Мисс Хемптон, – он сжал мои пальцы, не позволяя высвободить руку, – вы должны дать мне шанс объясниться!

Начался второй этап кадрили, господа, обнимая партнерш за талию, увлекали их по кругу, и я, не сумев высвободиться, так же была увлечена лордом Эруа, позади осталась его растерянная партнерша и мой насупившийся друг, впрочем, зная Олта уверена – он перехватит меня на втором заходе.

– Элизабет! – объятия лорда Эруа внезапно стали непристойно-крепкими. – Вы должны выслушать меня!

– Лорд Эруа, будем откровенны – я вам ничего не должна! – воскликнула я, пытаюсь высвободиться.

– Я изнываю от любовного томления третий год, мисс Хемптон! – патетично заявил он, видимо совершенно не смущаясь того, что внимание присутствующих уже приковано к нам, да и ведет он себя крайне далеко от правил приличия.

– Лорд Эруа, кто я такая, чтобы мешать вам упиваться собственными страданиями? – поинтересовалась, все так же отчаянно пытаюсь увеличить дистанцию между нами.

Но лейтенант продолжал кружить меня по залу, одновременно требуя ответа на его чувства.

– Я написал вам сонет, вы читали?

– Не имела несчастья!

– Я посылал вам цветы!

– У меня трое сестер, лорд Эруа, поверьте нам присылают столько цветов, что мы давно даже не разбираем кому и какие.

– Я пел под вашими окнами!

– Боюсь, вы ошиблись, мои окна выходят на сад, расположенный позади дома, попасть туда вы не могли ни коим образом. А если бы и попали, боюсь вместо серенад, сад был бы оглашен вашим испуганным «Спасите», так как папенька на ночь выпускает собак.

– Так кому же я тогда пел?

– Вопрос не ко мне.

– Элизабет, вы жестоки!

– Лорд Эруа, вы невоспитанный!

– Прошу прощения, мисс Хемптон, но я страдаю.

– Искренне вам сочувствую и отказываюсь мешать в этом сложном деле, – завершила я.

После чего, вырвавшись, наконец, отступила, присела в реверансе, а поднявшись поспешила прочь, разыскивать своих кавалеров, по меньшей мере Олта, который так и не перехватил меня, что несколько не вязалось с его характером.

И к своему искреннему удивлению никого не обнаружила.

Девять друзей Густава куда-то самым магическим образом испарились. Я отыскала маменьку, и та улыбнулась мне, стоящие рядом с ней мои тетушки напротив одарили хмурыми и неодобрительными взглядами, впрочем, они в целом никогда меня не одобряли, а помолвку с Густавом считали не романтической и потому совершенно ужасной. К слову мои сестры считали так же, а потому с некоторых пор на людях старательно игнорировали мое существование. Как и сейчас — окруженные кавалерами, они демонстративно отвернулись.

Я лишь улыбнулась этой попытке нарочитого дистанцирования, и отправилась искать парней.

В бальном зале гремел вальс, некоторые пары в возрасте танцевали среди деревьев, повсюду слышался смех, голоса, тосты и звон бокалов, на ветвях реяли расшитые приходским клубом плакаты, банты и флаги, на поляне перед цветущими персиками играли в фанты, и мисс Дамерн доставала какой-то фант из фуражки одного из присутствующих офицеров.

Я же все дальше углублялась в сад, надеясь, что в этом году кадеты не повторят свою поднадоевшую всем шутку с запиранием парней в сарае за оградой. Нет, наши городские, конечно, сумеют выбраться, но после придется же чистить костюмы от остатков соломы, пыли и прочего.

Мое худшее предположение подтвердилось, стоило мне свернуть в самую нелюдимую, дикую часть парка. Здесь росло несколько елей, массивный старый дуб, пугали переплете-

нием ветвей и колючками дикие кустарники. И именно здесь я обнаружила нет, не своих кавалеров, а того самого кадета военной академии, чей размер ноги имела неосторожность высмеять сегодня. Высокий молодой человек ожидал явно меня в окружении пяти своих сотоварищей, держа в руке уже знакомый практически всем ключ от сарая и бутоньерку с камзола Тома.

Мне, изумленно застывшей на границе поляны, недвусмысленно продемонстрировали деталь бального костюма, после чего лорд произнес:

– И кто это к нам пожаловал?!

– Приведение, – ответила я на его вопрос.

Моргнув, этот индивид уставился на меня светло-голубыми глазами, и поинтересовался:

– Почему это привидение?

– Потому что я вам привиделась, – ответила совершенно ровным голосом, после чего развернувшись, попыталась уйти.

Но мне не дали – совершенно недопустимым образом, обнаглевший кадет, ухватил меня за запястье, крутанул, разворачивая, и рывком прижал мою руку к своей груди, едва не вынудив меня врезаться в него. Я устояла, бог ведает как, и скорее изумленно, нежели испуганно посмотрела на осмелившегося применить насилие по отношению к даме далеко не джентльмена.

– Что вы себе позволяете? – спросила я, скорее удивленно,

чем испуганно.

– Я себе позволяю поставить на место одну зарвавшуюся плебейку! – прорычал едва ли не мне в лицо этот наглый самодовольный и напыщенный тщеславный тип.

– Но позвольте, – я невольно улыбнулась, – о каком месте идет речь? Месте дамы, невесты, дочери моих родителей или жительницы города? Нет, я понимаю, что мое место очень даже привлекательно, и если вы желаете, я, несомненно, готова обменяться с вами, но боюсь перед вами встанут две непреодолимые проблемы – при всем своем желании вы не влезаете в мое свадебное платье, и полагаю, Густав будет против подобной невесты – помилуйте, вы выше его ростом, вы никоим образом не станете с ним прекрасной парой.

Удерживающий меня мужчина побледнел, глаза его сузились от ярости, в то время как среди его друзей слышались сдержанные смешки.

– А вы остры на язык, мисс Хемптон! – зло произнес он.

– Обычно восхищение моим умом выражают несколько иными фразами, – я вновь улыбнулась.

– Мисс Хемптон, – военный казалось был взбешен, – боюсь всем станет вовсе не до вашего ума, если я вас скомпрометирую.

Вот тут я перестала улыбаться, и поинтересовалась:

– Интересно, и как вы себе это представляете?

Кадет смерил меня взглядом с головы до ног, демонстрируя что он себе очень даже это представляет, после чего, при-

близив свое лицо к моему, произнес:

– Я объясню. Обратите внимание, мисс Хемптон, вы здесь совершенно одна, в полном моем распоряжении. Соответственно я могу сделать с вами все, что мне пожелается, а желаю, я поверьте, многого. И после этого, вы будете опозорены, Элизабет.

Судя по выражению его лица, он был искренне убежден, что я теперь должна лишиться чувств от испуга.

– Но, – продолжил наглец, – есть иной вариант развития событий. Сейчас вы дарите мне поцелуй, а после все танцы на сегодняшнем балу, в этом случае я буду вести себя с вами как джентльмен, мисс Хемптон.

С невероятным трудом мне удалось сдержать смех, а после я произнесла:

– Послушайте, любезный, позвольте я вам сейчас кое-что объясню, – от моего тона он несколько опешил и отодвинулся, – Уэстекс дружный семейный городок, в котором следят за детьми практически любого возраста, соответственно более ста человек превосходно видели куда я направилась, и даже, полагаю, в курсе кого я ищу. Одного моего вскрика достаточно, чтобы сюда примчалось как минимум десять отцов почтенных семейств, которые считают своим долгом заботиться о чести и достоинстве дочери их друга. А после вас ждет масса неприятностей, от исключения из академии, до суда, к слову судья Олтанридж давний друг моего отца. Поверьте, вы попадете в тюрьму гораздо быстрее, чем ваши

влиятельные родственники успеют вмешаться, а в тюрьме, должна заметить, не все камеры одиночные... И да – среди тюремных служащих так же есть жители Уэстекса, соответственно ваш шанс попасть в не слишком приятную компанию существенно увеличивается.

Кадет после завершения моей речи усмехнулся, хотел было что-то ответить, но вдруг отпрянул, отпустив меня и стремительно бледнея.

– О, я вижу вы прониклись, – все так же мило улыбаясь, заметила я, – рада, что не ошиблась в вас и вашей сообразительности.

И тут позади меня прозвучало ледяное:

– Боюсь, ваша радость преждевременна, и да – вы ошиблись.

Мгновенно стало ясно, что наглый кадет испугался вовсе не моих слов, что несколько задело, но в следующий момент я отчетливо осознала – кто-то последовал за мной и вмешался, чтобы меня спасти. Кто?! Голос был достаточно молодым, да и подобным тоном не говорил никто из тех почтенных отцов семейства, что я упомянула. И в то же время никто из моих знакомых городских парней тем более не был способен говорить таким тоном. Мелькнувшая догадка заставила сердце сжаться, а затем забиться втрое быстрее.

Почему-то пришла странная убежденность, что позади меня стоит тот самый герцог, более ни с кем я не могла бы связать столь глубокий проникновенный голос и ледяной, с

налетом высокомерия тон. И первым порывом было желание сбежать не оглядываясь, но я была воспитанной девушкой, а потому, мысленно заготовив несколько полагающихся случаю фраз с благодарностью за спасение, я медленно повернулась к своему спасителю.

И уткнулась носом в блестящую пуговицу на черном мундире.

Не ожидала, что всеми обсуждаемый герцог окажется так близко. Недопустимо близко... волнительно близко... Мое сердце забилося столь быстро, что мне казалось – он услышит. Непонятное волнение охватило вдруг, ноги ослабли, я едва устояла, сердце билось все неистовее. Что со мной?

Отступив на шаг, я запрокинула голову, глядя на самого красивого мужчину из всех, что мне доводилось видеть и уже собиралась поблагодарить лорда, как тот, окинув меня презрительным взглядом, насмешливо произнес:

– Вынужден сообщить, что вся ваша пафосная речь была совершенно бессмысленна, и поразила как меня, так и присутствующих поистине вздорной глупостью. – Он усмехнулся и добавил – Но можете утешать себя тем, что я вас спас.

Я была столь потрясена и его поведением, и отповедью, и надменной насмешкой, что вместо заготовленной фразы с благодарностью, не менее язвительно чем он, воскликнула:

– О, да вы просто мой герой!

Герцог вопросительно изогнул бровь, я же выпалила:

– Вынуждена сообщить, что ваше пафосное появление

было совершенно бессмысленным, и поразило как меня, так и присутствующих поистине апофеозом тщеславного самолюбования!

На поляну словно опустилась мертвенная тишина.

А быть может, это лишь я ничего не слышала, с яростью глядя на того, кто оказался еще большим самодовольным мерзавцем, чем все прочие напыщенные выпускники военной академии. И этот высокопоставленный тип, чье лицо словно окаменело после моих слов, сверкали ныне лишь глубоко посаженные глаза, медленно, чуть растягивая слова, осведомился:

– Что вы сейчас сказали, мисс?

– То, что вы превосходно расслышали! – отчеканила я.

Его глаза полыхнули яростью, но внешне его светлость казалось был совершенно спокоен.

– Ваше право выражать свое мнение так, как вы считаете нужным, – холодно произнес герцог. – Ступайте, мисс, и более не гуляйте в одиночестве по заброшенным паркам. К слову, я не заметил ни единого из упомянутых вами и жаждущих спасти вас отцов почтенных семейств. Ступайте.

И он отошел, давая мне возможность покинуть неловкое собрание, что я и поспешила сделать.

Но стоило выйти из-за кустов, как до меня дошло, насколько грубо я себя повела. Как бы то ни было, его светлость действительно явился, чтобы меня спасти, что, несомненно, являлось весьма благородным поступком. И пусть его слова

были крайне обидными, но и я поступила не лучшим образом.

Вздохнув, я развернулась и отправилась назад, намереваясь попросить прощения за свои излишне резкие слова, однако остановилась, услышав:

– Мне стыдно за вас, лорд Кайто.

Сказано было так, что по спине невольно пробежал холод. Но мне было приятно, что кадета отчитывают за меня, и я мысленно похвалила себя, за желание извиниться перед его светлостью.

Меж тем герцог продолжил:

– Как вы могли повести себя подобно деревенскому увальню и скатиться до столь жалкого шантажа?! Лорд Кайто, вы позор вашего рода!

О, я была полностью с этим согласна, хоть и не имела чести быть знакомой с данным родом.

– На будущее, – раздалось далее, – если вы столь сильно желаете девицу, что теряете самоконтроль, советую прежде подумать головой, и не рисковать карьерой и репутацией.

Да-да, и что еще?

А вот то, что было сказано далее, повергло меня в шок!

– Существует масса способов овладеть девицей без свидетелей, и так, чтобы от стыда она боялась поведать о случившемся не то что отцу и матери, но и священнику во время исповеди. Почему я должен говорить вам о подобном?! Неужели вам не хватает собственных умственных способно-

стей, лорд Кайто?!

Я пошатнулась, а затем осторожно, ступая назад, отошла от кустов и скрываемого ими злополучного места. Я была поражена до глубины души. Циничностью, безжалостностью, подлостью...

Поистине, услышанное потрясло меня!

Но вслед за основательным потрясением, пришла не менее основательная злость. И это благородный лорд, фактически приближенный к его величеству?! Это человек, которого я собиралась поблагодарить за спасение?!

Я сделала глубокий вдох, постаралась успокоиться, а затем решила, что этого я так не оставлю.

Именно поэтому, нервно постукивая веером по раскрытой ладони, я вернулась в бальный зал, отмахнулась от друзей Густава, которые оказывается уже выбрались из сарая и искали меня всюду, и напрямик направилась к матушке, стоящей в окружении тетюшек, многочисленных дам из нашего швейно-приходского кружка и леди Агнес, супруги ректора военной академии. Я подошла к маменьке с самым задумчивым видом, что мгновенно привлекло ко мне всеобщее внимание, и выдержав паузу, довольно громко поинтересовалась:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.